

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Я иду по широкому, напоенному солнцем проспекту имени Навои, вглядываясь в лица людей. Вот молодая мать в нарядной коляске катит смуглого, черноглазого малыша и, счастливо улыбаясь, вслушивается в его лепет. По ступеням кинотеатра «Ватан» поднимается веселая стайка юношей и девушек — студентов. Неторопливо, как и я, идет моя ровесница. Посеребренные годами косы аккуратно подобраны под легкую косынку, а глаза смело и зорко всматриваются в красоту мира.

Такие же родные лица вижу я, когда вглядываюсь со сцены в зрительный зал. Какое счастье жить их мечтами и заботами, творить для них, этих гордых строителей нового мира!

Глядя на юные лица, я часто вспоминаю подруг своей юности. Они также мечтали о счастье, но тогда пути к нему были трудными, ой, какими трудными.

Вспоминаю...

В первые же годы Советской власти я пошла на завод, стала работницей. Это был смелый поступок, на который решалась в ту пору редкая женщина. Спасибо брату, который с первых дней революции пошел вместе с теми, кто нес новую жизнь нашему народу. По совету брата я и сделала вызов старому миру, старым обычаям и привычкам.

Трудилась на заводе. Работа спорится, а думы все о том, что услышу, узнаю вечером в клубе, первом женском клубе Коканда. Ничего, что устала, — зато скоро стану грамотной. И самое интересное, конечно, это наш самодеятельный театр, где мы, девушки, поем новые песни, пляшем.

Женский клуб находился неподалеку от нынешней улицы Мукими, где жил в те годы Хамза. Он заглядывал к нам, приносил свои стихи. Непримиримый борец за раскрепощение женщин, Хамза высоко ценил роль искусства в этой борьбе. На семейных вечерах после бесед коммунистов или работниц женотделов звучали его страстные стихи, зовущие женщину к светлому будущему. А мы, заскучавшие в парандже (иначе не впустили бы в чужой дом), частенько навещали своих соседок по махалля, рассказывали им обо всем, о чем сами узнавали в клубе.

Мы выступали на семейных вечерах в махалля. А в 1926 году я поступила в молодой кокандский театр. Здесь, нас, актрис, ждали новые испытания. Уже не только соседи и соседки по махалля, хорошо знающие каждую из нас, видели нас на сцене. В театр приходили и яростные враги всего нового. В театр и из театра я ходила в парандже и открывала лицо лишь на сцене. И все же ревнители старого всех нас объявили «пропаганду женщинами», кричали о том, что наше появление в любом доме «опозорит его хозяев». Два года я после спектаклей уходила ночевать к одной из подруг, потому что по дороге к дому меня дожидались фанатики — они хотели убить, во чтобы то ни стало убить женщину, осмелившуюся открыть лицо перед всеми.

Но запугать нас было нельзя. «Худжум» шел по всей узбекской земле. Помню переполненную людьми площадь Чорсу в Коканде. На митинге выступила и я. А потом бросила в костер свою паранджу. Вслед за ней в пламя полетели паранджи моих подруг — Мукаррамы, Караматхон и Хурматой. Долго в тот вечер пыпал костер, на котором женщины сжигали символ своего угнетения.

Борьба за новую, светлую жизнь разгоралась. Суеверие, влияние религии и семьи, сковывающие волю женщины, постепенно отступали, год от года все реже на улицах городов и сел Узбекистана появлялись закутанные в паранджу женщины. Многие ташкентцы, видимо, помнят 1935 год, когда в театре имени Свердлова впервые шла «Гульсара». В ней я играла мать Гульсары. Затаив дыхание, следил зрительный зал за действием. До сих пор в костюмерной театра имени Навои сохранились паранджи, навсегда

брошенные женщинами здесь же, в театре имени Свердлова, после того первого спектакля...

Мне так и слышится недоуменный вопрос: зачем воротить старое? Я скажу зачем. Хотя и редко, но на улицах нашей чудесной столицы мы встречаем укрытые в паранджу женские фигуры. Кто они? Почему для них, единиц, действуют еще законы шариата?

В наши дни принудить женщину закрыть лицо невозможно. На ее стороне — весь строй, весь уклад нашей жизни. На ее защите — советские законы. Но бывает еще так: слабая духом женщина, попав в семью, где сильны старые обычаи, безропотно им покоряется. Не всегда она скрыта именно чачваном — в кишлаках Андиканской области, например, его порой заменяет большой платок. Но существа дела это не меняет. Пока мы будем мириться с тем, что при встрече женщина прикрывает лицо, и пока не начнем серьезной работы по воспитанию не только женщин, но и мужчин, — это позорное явление нет и не будет затемнять нашу светлую жизнь.

Бывает и так: встретишь на рынке женщину в парандже. Поговоришь с ней, расспросишь. И оказывается: вовсе не приверженность к старому заставила ее укрыться от глаз, а низменный расчет. Спекулянте, нерадивой колхознице, отправившейся не на поле, а на рынок, не хочется, чтобы о ее делишках знали соседи или односельчане. Вот и закрывает она черной сеткой, как ширмой, не понимая, что тем самым она позорит Узбекистан в глазах других народов, что тем самым вольно или невольно, но показывает нашу жизнь, наш быт в извращенном свете.

Любой такой случай еще раз подтверждает необходимость настойчивого воспитания каждого человека. Именно каждого. Например, в нашей махалле, носящей имя Владимира Ильича Ленина, ни среди молодых, ни среди старых не найдется ни одной женщины, закрывающей свое лицо. Почему? Потому что в этом направлении велась и ведется воспитательная работа. Правда, и у нас еще предстоит многое сделать, чтобы навсегда были забыты старые обычаи, устаревшие традиции, но сколько шагов сделано вперед!

Я не напрасно в начале своих заметок говорила о семейных вечерах, которые в двадцатых годах проводились в Коканде. Даже тогда приверженцам старого было трудно смотреть в осуждающие глаза соседей, товарищ по работе. За кровью беседой в дружеском кругу, быть может, за чашкой чая, приверженцам старого нечего будет противопоставить правде новой жизни — ведь позиции таких людей в наши дни очень шатки. Поэтому они сами, да и

женщины, носящие паранджу, избегают больших собраний, вечеров. А тех и других надо привлекать на такие вечера и давать бой отживающему.

Волнует меня, коммунистку, и другая проблема, за решение которой мы еще не взялись по-настоящему.

Пройдите по городским базарам. На каждом базаре вы увидите девочек-подростков в роли продавцов. Они торгуют выпитыми дома тюбетейками, кустарной выделкой и чигами, овощами, фруктами, лепешками.

Понятно, что такой торговле повторяют родные, не понимая, что «легкий заработка», мелкий горгашеский расчет уродуют душу человека, особенно юного. К стыду нашему надо признаться, что многие из нас, и даже те, кому доверено воспитание молодежи — учителя, комсомольские работники, равнодушно проходят мимо девушек, сидящих на рынках. А ведь в семье этих девушек и должны идти агитаторы. Нужно непримиримо и страстно бороться с малейшими проявлениями вражеской идеологии, таким неприметным путем проникающей в сознание молодого поколения. И наряду с воспитательной работой нужно применять административные меры, чтобы покончить с кустарными «промышленами» на дому. Кстати, среди тех, кто снабжает девушек своими изделиями, немало молодых и здоровых женщин, руки которых так пригодились бы на фабриках и заводах. Наступление на ревнителей старых обычаям и предрассудков надо вести со всех сторон.

Борьба с паранджой, с другими отжившими обычаями — дело каждого из нас. Я знаю, что во многих махаллях Ташкента и других городов ведется настойчивая борьба с пережитками прошлого. Комсомольцы Октябрьского района Ташкента, например, создали бригады из девушек и женщин, члены которых, встретив закрывающуюся женщину, обязательно остановят ее, поговорят, пойдут в ее семью, пристыдят родных, а порой и решительно потребуют от них соблюдения советских законов. Ведь те, кто заставляет женщину носить паранджу, нарушают советское законодательство о равноправии женщин. Об этом никому нельзя забывать!

Худжум... Наступление... Слово это в далекие годы моей юности символизировало решительную борьбу за раскрепощение женщин-узбечек, которую вели партия и народ. Борьба эта освящена кровью лучших дочерей узбекского народа. И их память ничем нельзя омрачать. Тени прошлого — парандже — не место в нашем свете сегодня. Нужно сделать так, чтобы даже малейшая попытка помешать женщине-узбечке пойти по избранному ею пути стала по-просту невозможной. Ведь нас миллионы против единии!

Лютфиханум
САРЫМАСАКОВА.
Народная артистка Узбекской ССР.